

Она по жизни волчица-одиночка: выросла круглой сиротой с бабушкой, а детей так и не родила — не сложилось. Зато у нее есть две собаки, мегазвездный муж Валерий Леонтьев, домик в Майами и лоскуты перекроенной судьбы.

Зеркало своей жизни она разбила сама: 13 лет назад, во время гастролей, осталась в США на ПМЖ. На приемной родине сделала реальностью волшебную американскую мечту — из грязи в князи. Только стала ли она от этого более счастливой?

Всю подноготную своей прежней и нынешней жизни Людмила Исакович раскрыла в интервью "МК".

Это здесь, в России, она интересна всем как жена Валерия Леонтьева. А там, дома, американцы бегают за ней и канючат: "Луса, ну возьми нас к себе". Нас — это отнюдь не ребенка музыке пристроить учиться, нас — это собаку подстричь. Потому что собака в США — член семьи и вправе претендовать на вселучшее, а Люся Исакович — самый крутой груммер. Или, по-русски, собачий стилист. И это в Бруклине (она насмешливо говорит "Брукленно" с ударением на последний слог), районе миллионеров.

Однажды во время гастролей она попросила политического убежища в США и с тех пор не была в России 13 лет. И вот приехала. Встретилась со старыми друзьями, съездила в Ялту, в последний день успела главное — у мужа на даче побелила стенку. "Такой был желтый подтек, ну, я поехала с утра в магазин, купила краску, которая не пачкается, и целый день провозилась. Едва успела душ принять и переодеться". А времени на часах — восемь вечера, и у нее, можно сказать, отходня.

— **Завтра домой или вы сейчас дома?**

— Не-е-ет. Домой завтра. Здесь я в гостях.

— **Это после целой жизни, прожитой здесь, и тринадцати лет, проведенных за океаном?**

— Да я же даже не москвичка, я из Ивано-Франковска.

— **Так, может, настоящий домостался там, где прошло детство?**

— Я давно забыла эти березки.

— **Кто ждет вас в настоящем доме, там, где нет ни родственников, ни старых друзей?**

— Две собаки. Мальтис, — на американский лад называет она мальтийца, — и пекинес, — произносит опять же не по-русски, с ударением на средний слог.

— **Почему именно эти породы?**

— Мне их принесли. Их куда-то хотели сдать, а я приютила. Они старые и больные.

— **Как их зовут?**

Мальтиса — Бобо, пекинеса — Чарли.

Захочешь спать, стоя уснешь, что со мной и бывало

— **Вы делаете бизнес на стрижке собак. У вас сеть салонов или ручки своими?**

— Ручками.

— **Наверное, тяжело. Руки не болят?**

— Плечо одно время болело. Слава богу, что аллергии нет. Раньше от бас-гитары была мозоль, теперь вот рука. Ну, я сплю на доске и без подушки, для позвоночника это полезно.

— **Высыпаетесь?**

— Когда хочешь спать, стоя уснешь, что со мной иногда и бывало.

— **Кого труднее всего стричь?**

— Труднее всего? Больных и старых. Я разговариваю с ними, тогда они не так переживают.

— **И сколько стоит у вас подстричься?**

— По-разному, в зависимости от породы. Где-то от 100 до 200 долларов.

— **Клиентов за день...**

— В зависимости от сезона. В среднем шесть, иногда четыре. Каждая стрижка занимает час-полтора. Я работаю четыре дня в неделю.

Она — очень лаконична. Но каждый односложный ответ обязательно сопровождается открытой улыбкой, от чего резковатость поневоле окрашивается в тон искренности.

— **По американским понятиям вы — обеспеченная женщина?**

— О, да. Абсолютно.

— **И, как принято в Штатах, счета с мужем у вас разные?**

— Нет, у нас все общее, один счет.

— **За содержание домика в Майами платите пополам?**

— Собщего счета и платим.

— **У вас американское гражданство?**

— Да, я — гражданка Америки.

— **Муж?**

— У него грин-карт.

— **Вы — сильная женщина?**

— Ну, конечно, безусловно.

И тут в разговор врываются друзья исследуемой семьи. Композитор Михаил Герцман, Батаг Кокиев (все ласково называют его Батиком) — человек, в квартире которого вся честная компания, перебравшись в Москву, обитала несколько лет, и директор Николай Кара.

— А помнишь, Люся, как ты избивала ударника? — и мне: — Она ему говорит: "Крошка, ты не так играешь", он: "Да ладно тебе", она опять: "Ты не так играешь", он: "Отстань". Тогда она подходит и как даст ему! Он обалдел, а она... Люся, расскажи же!

Голливудская улыбка ломается, ее лицо, словно лампочка, вспыхивает энергией:

— Я ему: "Ты что? Женщину в ответ хочешь ударить?" И как дам еще раз. Он, бедный, упал с установки...

— **Понятно. Мужа не бьете?**

— Уже нет, — говорят они в один голос и начинают хохотать.

— **Уже нет? А раньше?**

— Ну как его можно бить, — замечает Люся, — он и так послушный. **«Если Валера хочет иметь детей, пусть имеет»**

— **Значит, вы в семье ведете?**

— Ну почему? Нет. У нас — два лидера.

— **Две сильные личности уживаются под одной крышей?**

— Да.

— **И ваша жизнь безупречна?**

— Абсолютно.

— **Так не бывает.**

— Бывает небывает, но есть.

— **О чем жалеете, что в жизни не сложилось?**

— Ни о чем. Все шикарно. Мы понимаем друг друга как никто иной.

— **Вы никогда не хотели иметь детей?**

— Нет.

— **Почему?**

— Некогда. Без этого много дел.

— **А супруг?**

— А ему тоже некогда. Он все поет, когда же ему детей заводить? Их же надо воспитывать, не ездить на гастроли, это большая ответственность — иметь ребенка, а он постоянно занят.

— **Да? А вот Валера в интервью говорил, что стал в последнее время задумываться о ребенке.**

— Ну, сейчас, может быть, и задумывается.

— **А как вы относитесь к этому желанию?**

— Нормально, если он хочет иметь детей, пусть имеет.

— **Вы не будете возражать?**

— Конечно, нет!

— **И как вы будете к этому ребенку относиться?**

— Как к любому ребенку. Как к внуку, как к сыну, как к племяннику. На чужих балконах дети легче растут.

— **Вы мужа никогда не ревнуете?**

— Нет. Я лишена этого чувства, слава богу. У меня нет комплексов.

— **И вы никем не увлеклись за все эти годы?**

— Конечно, нет. У меня только животные.

— **Только животные — вразрез с американским менталитетом. Там принято кого-то все время усыновлять...**

— Ну да, нуда... Я там даже курить не бросила! А они все бросили. Меня зомбировать сложно, к телевидению я равнодушна, радио не слушаю, газет не читаю. Как меня можно зомбировать?

— **А зачем вы вообще туда уехали?**

— Президент нравится.

— **Последний, что ли?**

— Нет, папа. Папа Буш.

— **А за кого голосовали?**

— За кого? Да я вообще не пошла на выборы, я не лезу в политику.

— **А чем Буш-старший нравится?**

— Фигурой, по-моему.

— **Ничего себе мужик, да?**

— Мужик шикарный, всегда галстук выглаженный, рубашечка с иголки, офигительно выглядит. Молодой — так себе. Грязный. Как бультерьер.

— **А вы когда оставались в Америке... кстати, выпрямо во время гастролей остались?**

— Да. Никто не знал о моем решении. Только Валера.

— **Одобрил?**

— Ну, нет, не сказала бы.

— **Произошел скандал? Ну, там, мы станем невыездными...**

— Какой скандал? Ничего подобного не было. Тогда время уже революционное наступило. Мы видели танки.

— **Вы остались по еврейской линии?**

— Да. Но я не воспользовалась помощью. Честно отработала грин-карт, все на своих плечах.

— **У вас были деньги или начинали с нуля?**

— С нуля. Тогда денег не было, мы за границу ездили через Госконцерт, валюту почти незарабатывали.

— **Рассчитывали, что наладите свой бизнес?**

— Конечно.

— **А чем вас советская действительность не устраивала?**

— Да, у нас все было. Но... Мы сделали здесь такое большое дело, дошли до победы, куда дальше-то? А я люблю достигать. В США я воплотила в жизнь американскую мечту. Там если ты ничего не можешь, то ты и не можешь, а если ты что-то из себя представляешь, можно дойти до любых вершин.

— **И все, что у вас сегодня есть, вы достигли самостоятельно или с финансовой поддержкой мужа?**

— Первые четыре года, самые сложные, я выживала сама, не было возможности мне помогать. А потом, конечно, с финансовой поддержкой.

— **Вы остались в США, и муж с вами тут же развелся?**

— Развелся? Да нет же! Мы никогда не разводились, мы просто разъехались.

— **И сколько лет браку?**

— Официально? Ну, считайте, с 97-го года.

— **Как с 97-го года, раньше?**

— Мы живем вместе с 73-го. Никогда не скрывали своих отношений, но тогда был гражданский брак. Считались сожителями.

— **Все-таки получается, как у Мюнхгаузена: после заключения брака вы уехали в свадебное путешествие, вы — в Турцию, она — в Швейцарию, где жили три года в любви и согласии...**

— Да нет, не так. Мы — единомышленники, понимаете? В музыке одинаково мыслим, в кино, в одежде, в еде, в отношении к собакам. Он очень любит собак. А потом, он ведь несколько раз в году приезжает, мы два раза вместе летали в отпуск — на Виргинские острова и на Гавайи.

— **Не густо.**

— Так некуда ехать. Все едут в Майами, там же курорт. В Магадан надо ехать? Это да. Но мы ведь везде были. Камчатку на автобусе объехали, шесть месяцев подряд колесили по Колыме, на Сахалине были.

— **А как сейчас время провели?**

— О, релакс был полный. Валера повез нас в Ялту. Мы поднимались на гору Ай-Петри, это 1274 метра над уровнем моря. Там мы выпили вина на воздухе, закусили шашлыком и после этого поехали кататься на верблюде и на лошадах. Я в первый раз в жизни ездила на верблюде.

— **Ну и как?**

— О! Я села на верблюда, а у него такие ресницы длинные, лицо такое умное, он такой гордый! Я ждала, что он в меня плюнет, но... он сдержался. А на следующий день мы поехали на яхте в открытое море, купались, ныряли. Все было замечательно. Только однажды во время концерта отключили свет.

— **Там еще сводой все время перебои...**

— Да ладно "с водой перебои"! Там в последний день дерьмо из крана потекло!

— **Ужас. И как вам после Америки дерьмо из крана?**

— Мне? Нормально. Я очень быстро ко всему адаптируюсь. **«К слухам о своих лесбийских наклонностях отношусь абсолютно хорошо»**

— Люсю трудно чем-то смутить, — вмешивается в разговор Миша, — я помню, у нее собака была, дворняга Мишка, ее в честь меня назвали. У него была гонорея, а однажды он провалился в выгребную яму.

— **Господи! И чем все закончилось?**

— Люся его вытаскивала, а квартира коммунальная, соседи сбежались, смотрят. Ну, она его

достала. А что делает собака в таких случаях? Правильно,отряхивается. Знаете как, да? От носа к хвосту, так б-р-р-р. В общем, — закончилон под общий хохот, — все это у соседней любви к Люсе не прибавило. А она егосхватила, обнимает, а затем как кинет: “Фу, от него же пахнет!”

— **Ничем,говорите, не смутить? А как вам происки желтой прессы? Дескать, ваш бракбезупречный только потому, что у обоих разная сексуальная ориентация.**

—О! Валера иногда привозил эти газеты. Мы специально сажались, читали...смеялись, чуть с кровати не упали!

— **То есть к слухам о своих лесбийскихнаклонностях вы относитесь с юмором?**

— Абсолютно хорошо. Лишь быговорили.

— **Вам нравится, когда о вас говорят?**

— Мне все равно —говорят не говорят, меня это не волнует. Но Валере по статусу положено, чтобыпро нас слухи ходили.

— **А вы мужем восторгаетесь или...**

Про “или”она не дослушивает:

— Постоянно! Каждую минуту, каждую секунду! Я гляжу нанего только с восторгом. Да-да, как фанатка. Сумасшедшая, с чудынкой.

— **Идавно вы такой стали?**

— С чудынкой-то? После катастрофы в Индии. Мы ехалиночью, днем там жара 50 градусов, я попросила остановить машину, чтобы Валерапересел назад и хоть поспал немного. А буквально через минуту машина врезалась вгрузовик, который стоял на обочине, не включив габаритные огни. Шофер пострадал,машина не подлежала восстановлению. Валера с его размером... он бы не уцелел,балка прошла бы как раз по виску. Ну, там мальчишки какие-то были, они нас налошадях доставили в бесплатный госпиталь, там все лежали на полу, везде грязь.Вызвали какого-то доктора, я боялась уколов, Валера кричит: “Делай, я тебесказал!” Я кричу: “Лучше умру от столбняка, чем от заражения крови!” Такаярваная рана была здесь, — она показывает на лоб, — и перелом ребер. Ладно,дождались мы машины, доехали до нормальной больницы. А на второй день послеоперации я — такая сине-красная — уже снялась в клипе. Там, кстати, хорошо пороли подошло, я шпионку играла. Вот после и стала женщиной с чудынкой.

—**В чем еще проявляется ваша чудынка?**

— Ну, я вон Батика подстригла.Разбудила его в четыре утра и говорю: “Давай я тебя подстригу, а то ты какой-тоочень лохматый”.

— **И подстригли под...**

— Эрдельтерьера. Хотела иМишу подстричь, но он не дался.

— **А Миша какой породы?**

— Он —ризеншнауцер.

— **А муж?**

— Пуделек. Маленький такой.

— **Пудели —они иногда такие вредные бывают, кусачие...**

— Нет, он не кусается.

— **В Россию приехали тоже из-за чудынки?**

— Из-за Миши. Я его невидела 13 лет. Ему в четвертый раз не дали визу в Америку, пришлось мне... Горাপодъехала к Магомету, иначе я полетела бы в Англию. Миша — очень старый нашдруг, он сейчас пишет книгу, чтобы подвести итог всей нашей жизни литературнымспособом, сказать всю правду про Валеру. «**Публика засвистела, а он начал терять сознание. В общем, неудачно прошелконцерт**»

— **Миша, отвечайте: так уж и всю правду?**

— Валера — редкийисполнитель, у него уникальный талант...

— **Простите, что перебиваю, но этой так все знают. Что будет сенсационного? Что сделает книгубестселлером?**

— Я бы хотел избежать дешевых неожиданностей. Валера —человек закрытый, я напишу, что

его может рассмешить, огорчить, что егопо-настоящему волнует, о чем он говорит, когда никого из посторонних нет вкомнате. Я расскажу — может быть... Еще не знаю точно! — о его попытке уйти изжизни.

— **Оба-на! Причина?**

— Любовь. Несчастливая любовь. Это былодавно, тогда он был какой-то порывистый. Это случилось во Владимире. Оннаглотался таблеток и не мог проснуться.

— Мы его подняли, — вступает вразговор Люся, — он вышел на сцену, начал работать, а потом забыл слова...Публика засвистела, а он начал терять сознание. В общем, неудачно прошелконцерт.

— **Сами откачали или со “скорой”?**

— Со “скорой”.

— **Авы уже были рядом?**

— Мы тогда не были так близки.

— **Понятно. Какбудет называться книга?**

— Пока только рабочие названия. Может быть, “Скиталец” или “Странник”, есть еще вариант “Падение в небо”. Будемвыбирать.

— **О самом грустном вы уже рассказали, а что было в жизни самоговеселого?**

— Веселого? — Люся задумывается. — Ну, потолок на нас падал. Мывдруг начали замечать, что поклонницы знают наш маршрут. Мы подходим к вагонам,а они уже стоят там или летят на том же самолете. Начали искать, откуда уходитинформация. Но все было без толку. А жили мы тогда у Бата. Квартира у него была на последнем этаже шестизэтажного дома. И однажды ночью у нас упал потолок.Большой такой кусок. Я кричу: “Бомбят! Война! Война!” Мы с ним — помнишь, Бат? —рванули на чердак, а там фанаты! Они нам пропилили потолок, и им стало не тольковсе слышно, но и видно. И они нас видели в любых видах — голых и не голых.

— **Вы там любовью занимались...**

— Мы же не знали, ну откуда мымогли знать.

— **Не фотографировали хоть?**

— Нет, иначе снимки бы ужевсплыли. Тогда просто аппаратуры такой не было.

— **Вы их непоубивали?**

— Одну пришлось прямо за волосы тащить, — вздыхает Ботаг, —ногами идти не захотела, упала. Они же фанаты, это другой мир.

— Короче, онипотом стали уличными, — продолжает Люся, — а мы их наказали, заставляли машинумить, сторожить ее ночью. Они нас очень разозлили.

— Люся, расскажи поАфган, — просят друзья.

— А, да! Мы должны были лететь в Афган. Это был 85-йгод, зима, холод. Я к ним подхожу и говорю: “Девчонки, кто встретит Леонтьева вКабуле, на том он и женится”. Никто не встретил.

— **Пришлось вам... Сосвекровью ладили?**

— Очень даже. Она любила меня, борщом кормила. И всевремя говорила: “Слушай, Люся, зачем вы этим занимаетесь? Ступайте на стройку,Валерка прорабом будет”. Уж очень ей хотелось, чтобы Валерка прорабомбыл.

— **Ей не нравилось творчество сына?**

— Очень нравилась, но она считала, что это не работа. Катерина Ивановна — это вообще сказка была. Когда кней ни зайдешь, у нее всегда были пирожки, борщ. Она сначала накормит, ничего неговорит, потом как начнет: “Зачем эта музыка, поете и поете!”

А мы ей: “Какже так, гастрольный график. Ну, вот приедем с гастролей и построим дом”.Шикарная была женщина, все ее любили.

— **Я все-таки не могу понять: вы смужем жизнь прожили или любите его?**

— И жизнь прожила, и люблю.

— Люся, — опять вмешиваются в разговор друзья, — она в прошлой жизни, наверное, была собакой, а может быть, ею и остается. Она для Леонтьева и домоправитель, иангел-хранитель.

Ты знаешь, он когда улетает — Люся до того момента, пока Валеране войдет в квартиру в Москве и не перезвонит ей: "Я долетел, все нормально", ничего не делает в доме: не стирает, не пылесосит, не моет. Такая у нее примета.

— **То есть вы суеверны?** — спрашиваю Люсю.

— Нет.

— **Ав эту примету верите?**

— В эту — да.

— **А вы ждете, что он приедетнасовсем?**

— Трудно сказать. Я не думаю, что он приедет навсегда, я думаю, можно и по двум странам жить. Во всяком случае не жду и не зову.

— **Фамилию мужа никогда не хотели взять?**

— Нет. А зачем?

— **На его сольники вМоскву не прилетите?**

— Так это еще через месяц. Посмотрим...

— **Выкогда-нибудь плачете?**

— Никогда.

— **Похоже, повезло Леонтьеву сженой.**

— Почему? Это мне повезло с мужем.